

Список сокращений

КПК	Коммунистическая партия Китая
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
НЭП	Новая экономическая политика
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
КНР	Китайская Народная Республика

Благодарности

За десять лет, что я проводил исследование и писал эту книгу, я бы не нашел и не оценил всю ценность многих материалов, использованных здесь, без помощи Мэй Цао. Также эта книга не была бы завершена без редакторской помощи Жанны Баркер-Нанн. Чтение критических статей о капитализме в рамках исследования для этой книги помогло мне осознать структурное неравенство, на котором держится капитализм. Поэтому я совершенно уверен, что это — больше чем совпадение, что эти два человека с заработной платой, не соответствующей значимости их — именно женщины. Я посвящаю эту книгу Мэй и Жанне.

Питер Кэрролл — символ моих опасений насчет того, что я забуду поблагодарить друзей и коллег, которые прямо или косвенно внесли вклад в завершение этой книги. Хотя он сыграл важную роль в том, чтобы побудить меня изучить архив, который оказался критически важным для завершения моей первой книги, я забыл поблагодарить его в ней (но сделал это во второй). Я не знаю, кто окажется «Питером» в этой книге, но список возможных «Питеров» внушителен: забытый разговор на конференции, давно прочитанная книга, давшая направление определенной мысли, но не указанная в списке литературы, или, что расстроит меня больше всего, кто-то столь же важный, как Питер. Спасибо тебе, «Питер», кем бы ты ни был.

Несомненно, благодарности заслуживают те, кто прочитал всю рукопись или ее части. Однако, прежде чем я назову имена, я должен сказать, что многие из тех, кто давал обратную связь, зачастую не соглашались с аргументацией, представленной в первых набросках, поэтому факт того, что я сообщаю их имена не подразумевает их одобрения. Более того, следует предполо-

жить обратное, начиная с Андре Шмида, чьи вдумчивые замечания и предложения привели ко многим улучшениям. Я особенно благодарен Саре Шневинд за требовательность к логике и ясности всей рукописи. Многие другие высказали мнения насчет отдельных глав, среди них Джульетт Кадиот, Марк Хендриксон, Мэттью Д. Джонсон, Фабио Ланца, Хён Гу Линн, Оскар Санчес-Сибоней, Дагмар Шефер, Майкл Шёнхалс, Стивен Шихи, Льюис Сигельбаум, Аминда Смит, Феликс Вемхоер и Джейк Вернер.

Радость академической жизни — это возможность обсуждать свои наблюдения с большим сообществом коллег. Фрэнк Трентманн был одним из первых, кто высказал свои замечания и предложения по моей первой книге, и продолжает помогать мне до сих пор. Аналогичным образом Джоэл Андреас, Мейбл Березин, Крис Брамолл, Арчи Брайант, Чэн Линьсунь, Алекс Дэй, Кэтрин Эпштейн, Антония Финанн, Лиза Фредсти, Гао Шан, Джейн Хейворд, Билл Кирби, Грег Льюис, Питер Пердью, Юй Шэнь, Сунь Пэйдун, Уоррен Сунь, Патриция М. Торнтон, Клинт Твист, Хильде де Вердт, У Цитао и У Ицзин предоставили помощь. Ввиду десятилетий интеллектуального взаимодействия, опыта в организации и дружбы помощь Раны Миттер невозможно не упомянуть среди этих благодарностей.

Люси Раймер из Издательства Кембриджского университета подтвердила свою блестящую репутацию выпускающего редактора. Одним из ее многочисленных вкладов было привлечение в издательство строгих и честных анонимных читателей, которым я также благодарен. На этапе публикации Джеймс Бейкер оказывал помощь в производстве. Кроме того, я благодарен Нэнси Херст за проверку каждой сноски и за работу по улучшению почти каждой страницы книги, а также Дэну Хардингу за его работу по художественно-техническому редактированию текста. Изабелла Фёрт оказала дополнительную помощь в написании и доработке книги. Матильда Либерман, консультант по письму в Колледже Гриннелл, первой научила меня писать академические тексты и своим же примером показала важность обратной связи.

Один из моих научных руководителей, покойный Филип Кун, любил говорить аспирантам, что мы узнаём больше друг от

друга, чем от него. Чего он не сказал, так это того, что преподаватели также учатся у своих студентов. Я благодарен студентам бакалавриата Калифорнийского университета в Сан-Диего, где я впервые апробировал материал, а также участникам семинара для аспирантов по истории современного Китая (среди них аспиранты Питер Брейден, Цзяо Юйпэн, Ван Чучу, Мэтт Уиллс, Томас Чань, Ян Линь, Бен Клётцер и Х. К. Люн). Томас Чань и Мэтт Уиллс заслуживают отдельной благодарности за прочтение первых вариантов рукописи и внесение множества предложений, а также рекомендации ценных источников.

Мне также посчастливилось работать в сообществе энергичных китаеведов в Калифорнийском университете, в котором можно делиться идеями и находить новые источники интеллектуального вдохновения. Я выражаю глубокую признательность Сьюзан Ширк, Гуан Ляю, Мике Мусколино, Сэмюэлю Цой, Виктору Ши, Барри Нотону, Ли Хуай и Джуд Бланшетт. Из более широкого сообщества китаеведов Южной Калифорнии я благодарю Джеффа Вассерстрома за то, что он значительно облегчил мой переход на новое место, а также совершенно неутомимого Пола Пицковича, продолжающего (даже на пенсии) делиться секретами его и Джозефа Эшерика успешной программы для аспирантов, которые заключаются в преданности и трудолюбии.

Исследовательская работа, лежащая в основе этой книги, была проведена во время работы в трех университетах: Университете Южной Каролины, Колледже Мертон Оксфордского университета и на моем нынешнем месте работы, Калифорнийском университете в Сан-Диего, где мне всегда предоставляли финансирование и административную поддержку. Я хочу отдельно поблагодарить спонсоров моей должности профессора-китаеведа имени Хуэй Чжи и Джулии Сю в Калифорнийском университете, ученый совет Калифорнийского университета, директора и сотрудников Колледжа Мертон, Фонда Фелла Оксфордского университета, Фонда Блейкмора Британской академии и Британского совета по исследованиям в сфере искусства и гуманитарных наук. Эти учреждения поддержали мои исследования, а их сотрудники подготовили все документы. Профессионализм руко-

водителей этих учреждений, в частности Сьюзан Винчестер, значительно облегчил мою жизнь.

В 2018/2019 учебном году мне посчастливилось закончить рукопись в качестве члена Благотворительного фонда Старра по изучению Восточной Азии в Институте перспективных исследований в Принстоне. Никола ди Космо создал идеальную среду для исследований, написания работы и общения. Дополнительную поддержку в тот год оказала стипендия Фредерика Э. Уэйкмана-младшего по истории Китая Американского совета научных обществ.

Множество возможностей для научного сотрудничества пошли на пользу этой книге. Дженнифер Альтехенджер и Дениз Хо не только прочли первоначальный вариант введения, но и организовали многолетнюю серию конференций по всему миру, позволивших представить первые варианты двух глав и услышать комментарии к ним. Я благодарен и другим участникам, особенно Джейкобу Эйфарту, Ли Цзе и Коулу Роскаму. Я признателен У Жэньшу за приглашение посетить Академию Синика на Тайване в качестве старшего научного сотрудника. В Принстонском университете Джанет Чэнь и Шелдон Гарон в значительной степени поддерживали товарищескую атмосферу в течение моего года работы с ними. Я получил предварительные критические замечания от Томаса Голда, Е Вэньсинь, Кевина О'Брайена и Питера Чжоу во время выступления в Калифорнийском университете в Беркли. В рамках семинара по современному Китаю в Колумбийском университете Чак Вулдридж, Роберт Калп и другие участники, особенно Евгения Лин, выступили с конструктивной критикой. Я также благодарю Арунабху Гхоша за возможность рассказать о моем исследовании в Гарвардском университете. Ян Куйсун, Фэн Сяоцай, Сюй Цзилинь, Цзян Цзинь, Цюй Цзюнь и Чжан Цзишунь из Восточно-китайского педагогического университета обеспечили годы плодотворного научного обмена. Цзинь Далу и Чжан Сюли из Шанхайской академии общественных наук позволили мне проверить итоговый вариант диссертации при работе с аудиторией, состоящей из китайских специалистов.

Значительные усовершенствования в технологической части исследовательской деятельности, новые электронные ресурсы и базы данных, как и многочисленные публикации в китайских блогах, которые я использовал, предоставили значительные возможности для критики устоявшихся оценок эпохи Мао. Без сомнения, я бы не узнал или не получил доступ к этим и другим ресурсам без помощи библиотекарей, в особенности Си Чэня из Калифорнийского университета в Сан-Диего, Марсии Такер из Института перспективных исследований и Джошуа Зойферта из Принстона. Кроме того, я в долгу перед сотрудниками этих библиотек (в том числе Скоттом Макэвоем и Кирком Ваном) за помощь в подготовке изображений.

Я благодарен людям, которые сделали мою жизнь вне этого проекта лучше. Моя семья, особенно мои родители Роджер Герт и Джуди Валентайн Герт, давно овладели тонким искусством выражать интерес к моей работе и поддержку таким образом, что мне не приходилось чувствовать вину из-за того, что работа продвигается крайне медленно. Дениз Деметриу прочитала бесчисленное множество черновиков и предложила множество интересных способов отвлечься. Мисти Герт позаботилась о том, чтобы обеспечить меня многими часами беззаботного веселья. Многие друзья также внесли свой вклад в качество моей жизни, особенно Фрэнк Бехтер, Джон Кэрролл, Кен Чейз и Стейси Миллнер-Коллинз. Поскольку мой баланс между работой и личной жизнью сосредоточен вокруг гребного спорта, я особенно благодарен членам этого сообщества, начиная с Энди Дайсона за то, что он убедил академика средних лет присоединиться к команде колледжа по гребле, и моим товарищам по команде за то, что они стойко переносят жизнь на воде с «Гертетрясением». За прошедшее время многие поддержали мои усилия, в том числе, совсем недавно, Гэри Аренс, Крис Каллаган, Карл Дуглас, Уильям Дж. Мэннинг, Патрис Риу и Джоан Столен.

В прошлом году у меня было два примера ценностей, создаваемых людьми, которые выходят за рамки гонораров и помогают другим. В Принстоне, услышав, как я рассказываю о своей книге, Эми Готтшалк, с которой я только что познакомился, по-

бежала к своей машине и вернулась с потрясающим набором значков с Мао Цзэдуном, частью своей коллекции, которую она отдала своей матери и получила обратно после ее смерти. Она настояла, чтобы я принял их в подарок, потому что, по ее мнению, я найду им подходящий дом (некоторые из них сейчас живут на этих страницах). Также в прошлом году, готовясь к переезду, я наткнулся на выпускной альбом начальной школы, в котором учителя и одноклассники написали мне напутственные слова. В мою последнюю встречу с одним учителем, сестрой Мэри Эллен, которая не раз наказывала меня совершенно заслуженно, нашла в себе сострадание написать: «Я в тебя верю». Без таких примеров великодушия, встреченного мной за все эти годы, я бы не закончил эту книгу.

Введение

Консюмеризм и капитализм

С момента образования Китайской Народной Республики в 1949 году Коммунистическая партия Китая стремилась уничтожить капитализм. Тем не менее три десятилетия спустя выяснилось, что он не только пережил коммунистическую революцию, но и восторжествовал над коммунизмом, став движущей силой в развитии китайской экономики и общества. Эта книга, где впервые рассказана история консюмеризма в первые десятилетия после китайской коммунистической революции, предлагает новое объяснение, почему, как нам кажется, строительство коммунизма в Китае потерпело неудачу. Она показывает, что три центральных процесса консюмеризма — массовое производство потребительских товаров, рост числа их обсуждений в популярных средствах массовой информации и использование их в создании и выражении собственной идентичности — не только существовали уже к началу революции, но на самом деле развернулись в еще большем масштабе благодаря политике Коммунистической партии Китая (КПК)¹. В настоящей книге, помимо включения

¹ Несмотря на то что термины *консюмеризм* и *потребительская культура* являются синонимами, я использую термин *консюмеризм*, чтобы подчеркнуть, что он является коррелятом термина *капитализм*. По тому же принципу я использую термин *промышленный консюмеризм* как коррелят *промышленного капитализма*, оба из которых наблюдались в Китае с конца XIX века. Если не указано иное, под консюмеризмом подразумевается *промышленный консюмеризм*. Хотя в книге приведены доказательства доминирующего положения капитализма и консюмеризма, это не предполагает их полного господства. Во избежание предположений о гораздо более

понятия консюмеризма в историю ранних лет Китайской Народной Республики (КНР), показано, что государство, определенное самой партией как «социалистическое», представляло собой не противоположность капитализму, а, скорее, движущуюся точку на спектре от государственного к частному контролю в рамках промышленного капитализма. Получается, политика партии на протяжении всей эпохи шла вразрез с целями ее собственной революции.

Попытка интегрировать понятие потребительства в историю эпохи Мао, что в рамках данной работы подразумевает 1949–1976 годы, дополняет мои более ранние исследования этого явления в Китае XX века². В моей первой книге «Сделано в Китае»

значительных проявлениях консьюмеризма (и капитализма), чем это было возможно в Китае в эпоху Мао, я не использую термин *общество потребления*, встречающийся в таких работах американских историков, как «A Living Wage: American Workers and the Making of Consumer Society» Лоуренса Гликмана [Glickman 1997]. В отличие от работ о консьюмеризме таких авторов, как Наоми Кляйн и Джульетты Б. Шор, где термин *консьюмеризм* используется с уничижительным оттенком, я использую слова *консьюмеризм* и *капитализм* — как нейтральные термины для описания социальных отношений [Кляйн 2003; Schor 1999].

² Я использую выражение *эпоха Мао* в качестве нейтрального сокращения для обозначения неполных первых трех десятилетий существования КНР, с момента ее основания в 1949 году до смерти Мао Цзэдуна в 1976 году. В дополнение к тому, что я использую фразу *эпоха Мао* в качестве условного обозначения, я также избегаю употребления общепринятых терминов *маоистский Китай* и *Китай Мао*, потому что они, как правило, преувеличивают роль одного человека в формировании эпохи. По причинам, которые станут понятны далее, я также не использую термины *социалистический Китай* или *коммунистический Китай*. Применительно ко всему периоду после 1949 года термины *социалистический/коммунистический Китай* во многих отношениях вводят в заблуждение. Даже КПК определяет политическую экономию первых шести лет, предшествовавших периоду официальных Социалистических преобразований, закончившихся в 1956 году, как «государственно-капиталистическую», а не «социалистическую», тем более не «коммунистическую». И наконец, в-третьих, я также отказываюсь от принятого видения и избегаю использования концепции КПК о том, что 1978 год выступает главным поворотным моментом при переходе от одной эпохи к другой; вместо этого я заканчиваю то, что я называю *эпохой Мао*, 1976 годом, годом смерти «Великого кормчего». Такой отказ от 1978 года как

(2003) я исследовал зарождение китайского национализма в начале XX века и начало распространения товаров массового производства, а также культуры потребления, сложившейся вокруг них. Позднее в книге «Куда пойдет Китай, туда пойдет мир» (2010) я изложил историю консюмеризма с конца эпохи Мао, когда влияние потребительской идеологии было крайне заметным по всему Китаю, о чем свидетельствует создание крупнейшего в мире автомобильного рынка, распространение международных и национальных брендов благодаря рекламе и массовой розничной торговле, а также возрождение рынков, где можно было найти всё — от краденных младенцев до вымирающих животных и вторых жен. Эти работы о культе потребления в Китае до 1949 года и его возрождении в конце 1970-х привели меня к главному вопросу этой книги — что происходило с консюмеризмом в промежутке, в эпоху Мао — а также помогли сформулировать мое основное возражение общепринятой точки зрения о том, что в этот период Китай двигался к коммунизму.

История консюмеризма в эпоху Мао оставалась загадкой потому, что немногие ученые считали возможным изучать культ потребления в бедной социалистической стране³. Основываясь на предыдущих исследованиях, я предполагал, что многие проявления консюмеризма, возникшие до образования КНР, в том числе реклама, продвижение торговых марок, мода, социальное расслоение на основе потребления товаров массового

особого поворотного момента согласуется с представлениями, изложенными в современных исследованиях, подчеркивающих преемственность. В дополнение к изложенным мной выводам о вопросе преемственности в 1978 году см. [Teiwes, Sun 2011]. Я также рассматриваю миф 1978 года в книге «Make Some Get Rich First: State Consumerism and Private Enterprise in the Creation of Postsocialist China» [Gerth 2017, 3: 449–473]. Стоит сказать, что я больше не использую термин *постсоциалистический*.

³ Мое понимание политической экономики эпохи Мао опирается на объяснения, приведенные в авторитетных справочниках, таких как [Riskin 1987; Bramall 2009; Хуе 1981]. Тем не менее даже в этих книгах, посвященных политической экономике эпохи Мао, лишь вскользь упоминается потребление и ничего не говорится о консюмеризме или потребительской культуре.

производства, не исчезли, а на самом деле незаметно продолжили существовать. И действительно, продолжив исследование, я обнаружил достаточно доказательств того, что «коммунистический Китай», несмотря на свою антипотребительскую риторику, создал так называемую собственную социалистическую версию потребительской моды, коммерции, разработки и продвижения торговых марок, рекламы и других проявлений консюмеризма, хорошо знакомых странам рыночного капитализма. По мере распространения этих явлений в Китае росло число людей, создающих новые идентичности вокруг желаний обладать товарами массового производства, например велосипедами, швейными машинками, наручными часами, и их приобретения. Многочисленные свидетельства культа потребления и его примеры, описанные в книге, раскрывают историю, которая значительно отличается от общепринятого представления этой эпохи, в котором доминируют налеты хунвейбинов, экономические эксперименты, политические катастрофы, массовый голод и, прежде всего, концентрация власти в одних руках — в руках Мао Цзэдуна.

Изначально я придерживался терминологии, которую для своих политических мер использует сама КПК, и устоявшейся научной практики, добавляя ярлык «социализм» в собственные исследования. Поскольку консюмеризм, который я обнаружил, зарождался в социалистической стране, я называл его «социалистическим консюмеризмом». Но по мере того как у меня накапливалось все больше примеров, я стал задумываться: что это значит — почему столько проявлений консюмеризма там, где правит Коммунистическая партия, заявившая своей целью «строительство коммунизма» и уничтожение всех признаков капитализма, включая проявления потребительского культа?⁴

⁴ КПК поставила своей целью строительство социализма (*цзяньшиэ шэжуэйчжуи*), или социалистическое строительство (*шэжуэй чжуи цзяньшиэ*), термины, которые для партии были взаимозаменяемыми. Для единообразия терминологии я обычно перевожу оба этих термина как *строительство социализма* и редко использую *социалистическое строительство*. Слово

Когда в заявленном партией намерении превратить Китай в более справедливое социалистическое государство, страну рабочих, появилось так много исключений, стало очевидно, что все эти усилия, во-первых, не только не снизили, но наоборот, увеличили влияние консюмеризма, а во-вторых, в действительности культ потребления стал системным последствием государственных мер в социальной и экономической сферах⁵. Хотя партия предсказывала, что после того как она «построит социализм», проявления капитализма со временем исчезнут, в дальнейшем развитии Китая я увидел переход к некоей форме промышленного капитализма где-то на спектре от государственного к частному, который лидеры Китая с разной степенью искренности и успеха

строительство подчеркивает, как это делала (и делает до сих пор) КПК, что партийная версия социализма проходит через непрерывную трансформацию, процесс становления, со многими этапами, ведущими к коммунизму. Несмотря на то что эти термины появились давно, только после 1953 года в общенациональной партийной газете «Жэньминь жибао» («Ежедневная народная газета») появилось бесчисленное множество статей со словами *строительство социализма* и *социалистическое строительство* в заголовках. О важности правильного перевода этих формулировок (тифа) см. [Schoenhals 1992]. О роли «Жэньминь жибао» в сообщении государственной политики см. [Wu 1994]. Исходя из наблюдений Джорджа Лакоффа о том, как повторение лозунгов и фраз формулирует проблемы, задает политическую повестку и становится запрограммированной частью мышления индивида, я также стараюсь не использовать такие партийные формулировки, как *до/после освобождения, строительство социализма* и *эпоха реформ*, без необходимости [Lakoff 2009: 83–84].

⁵ Я использую термины *КПК, партия* и *государство* как взаимозаменяемые и как эквивалент общепринятой академической традиции обозначения сросшего партийного и государственного аппарата термином *партийное государство*. Как я пытаюсь разъяснить в книге, КПК и Китайское государство, как и в случае с любой другой партией или государством, не представляли одну единую структуру. Несмотря на то что я периодически обращаюсь к различиям между отдельными лицами и группировками и пытаюсь указывать на определенных людей в партии или конкретные институты в государстве, основными объектами исследования выступают более общие социальные истоки и результаты проводимой политики, а не намерения различных лиц или разногласия как внутри партии и государства, так и между ними, темы, изученные другими учеными, ссылки на которых даны в примечаниях.

Рис. 0.1. Промышленный консюмеризм. Популярность значков с Мао Цзэдуном, о которой пойдет речь в седьмой главе, иллюстрирует все три определяющих аспекта консюмеризма: беспрецедентный объем промышленного производства потребительских товаров, широкое обсуждение этих товаров в средствах массовой информации, которое навязывало людям новые потребности и желания, а также растущее потребление товаров, таких как, например, значки, для создания и демонстрации разных идентичностей, зачастую — положения в иерархии. Источник: все фотографии значков из личной коллекции автора

пробовали оправдать или показать более приемлемым, используя язык социализма и внедряя социалистичные меры (рис. 0.1)⁶.

Неудивительно, что история консюмеризма на протяжении трех десятилетий после 1949 года до сих пор мало изучена. Китай

⁶ *Промышленному капитализму предшествовало множество других форм капитализма. О разнообразии форм капитализма в разные исторические периоды времени и в разных странах см. [Коска 2016]. В этой книге рассматривается только промышленный капитализм. По этой причине я использую слово капитализм как сокращение от спектр от частного к государственному промышленному капитализму.*

как был бедной страной до 1949 года, так и оставался ей при председателе Мао. Только небольшой части населения были доступны потребительские товары, и еще меньшей — возможность создавать культуру потребления вокруг этих товаров. Поэтому и исследователи этого периода, как правило, отдают предпочтение другим последствиям коммунистической революции. Среди них — борьба партии за образование нового государства, формирование геополитических союзов, реорганизация труда в аграрном секторе, конфискация имущества городских капиталистов, индустриализация экономики, эксперименты в области переустройства общества и проведение массовых кампаний по мобилизации для получения поддержки народа. Тем не менее, как будет показано в следующих главах, распространение консюмеризма не только шло в авангарде всех этих преобразований, но и было тесно с ними связано. Таким образом, взгляд на эпоху Мао сквозь призму потребительского культа предлагает новую модель для полного понимания политической и экономической перестройки Китая в период после 1949 года. Подъем консюмеризма всегда коррелирует с индустриализацией и, следовательно, всегда становится неотъемлемой частью полной перестройки общества для обеспечения массового производства⁷. С общепринятой точки зрения эпоха Мао представляет собой самые смелые попытки партии построить антикапиталистическую, гиперэгалитарную и антипотребительскую социалистическую альтернативу промышленному капитализму. Но если мы выйдем за рамки риторики партии и изучим ее политические меры и их результаты, то выясним, что потребление во времена Мао было далеко не пережитком дореволюционного Китая, сохранив-

⁷ Обе стороны холодной войны популяризировали понятия *капитализм* и *социализм* (или *коммунизм*) в качестве конструкций, используемых для описания противостояния между диаметрально противоположными образами жизни, или того, что два исследователя государственного капитализма называют *межкапиталистическим соперничеством* [Buick, Crump 1986: вступ. часть]. Термины *капитализм* и *социализм/коммунизм* стали и остаются политически полезными для обеих сторон для усиления сплоченности и дисциплины внутри стран, а также в битве за сердца и умы несогласного населения. См., напр., [Kaldor 1990; Санчес-Сибони 2022].

шимся в подполье, и не неожиданным последствием государственной политики. Распространение консюмеризма на протяжении всего пребывания Мао Цзэдуна у власти было предсказуемым результатом, который непрерывно сводил на нет главные цели самой революции. Вместо того чтобы положить конец капитализму, КПК просто с переменным успехом двигала страну в сторону государственной собственности на спектре от частного к государственному промышленному капитализму. Партия всегда, вне зависимости от выбора конкретных институциональных механизмов, строила тот или иной вид промышленного капитализма.

Таким образом, эта книга не только проливает свет на истоки возрождения консюмеризма в Китае после смерти Мао, но и дополняет давние критические замечания о том, стоит ли считать Китай, да и любое другое социалистическое государство, разновидностью капиталистического строя, принимая в расчет его потребление и потребительство. В книге утверждается: чтобы лучше понять политический и экономический строй эпохи Мао, стоит рассматривать их не как социализм, а как *государственный капитализм*, как он был ранее назван учеными, то есть такую разновидность промышленного капитализма, в которой государство доминирует в сфере накопления и распределения капитала, обычно посредством института централизованного планирования и государственной собственности⁸. Первоочередной задачей

⁸ *Государственный капитализм* относится к политической экономике, в которой производство и потребление в большей степени организованы и управляются государством, а не частными рынками, частными предприятиями и частными лицами. Несмотря на то что с этой точки зрения государственный капитализм противопоставлен частному капитализму, я использую этот термин для обозначения не фиксированного набора институциональных механизмов, а спектра промышленного капитализма, который находится в пределах от полностью контролируемого государством до полностью рыночного в рамках политической экономии, где преобладает реинвестирование капитала для создания и накопления большего количества капитала. О концепции государственного капитализма и ее применении к социалистическим странам см. [Resnick, Wolff 2002: 85–129]. Критика о том, что социалистические страны фактически являются «государственно-капитали-

партии было использование практик, присущих капиталистическому строю, для индустриализации страны и выполнения насущных или долгосрочных экономических, военных и политических задач. Некоторые коммунистические лидеры, как, например, Сталин в СССР, понимали, что придется столкнуться с социальным неравенством как с промежуточной стадией развития социалистического общества, необходимой для достижения коммунизма⁹. Что же касается Мао и других партийных

стическими», существует дольше, чем сами эти страны. Первые критические высказывания о КНР как стране с государственным капитализмом см. [Gluckstein 1957]. Некоторые другие исследователи также пришли к аналогичным выводам. В середине XX века у критики государственного капитализма также были американские сторонники, такие как К.Р.Л. Джеймс и Грейс Ли Боггс. Аналогичным образом сходство политических экономик по национальным и идеологическим вопросам было настолько велико, что представители Франкфуртской школы в конце 1930-х — начале 1940-х годов рассматривали государственный капитализм как общий атрибут в остальном политически разных стран, от тоталитарных до демократических, включая как нацистскую Германию, так и Советский Союз, и размышляли о том, является ли государственный капитализм будущим капитализма, к которому неизбежно придут все страны. См. [Gebhardt, Arato 2007: 71–94]. Диаграмму различных степеней государственного капитализма в странах в Новейшее время см. [Kurlantzick 2016, 2]. Тем не менее ни одна из этих разновидностей промышленного капитализма не подразумевает контроль рабочих над производством и распределением, чего, как представляется, требовал основной принцип социализма и партийная пропаганда. Несмотря на то что партийное руководство не принадлежало к рабочему классу, государственные СМИ часто использовали, например, лозунг «Рабочий класс должен руководить всем» (*Гунжэнь цзецзи бисюй линда оице*). Пример применения термина *государственный капитализм* в отношении современного Китая см. [Naughton, Tsai 2015].

⁹ КПК сказала себе и всему миру, что проявления капитализма, существовавшие в Китае в это время, были пережитками «старого общества», которые будут ликвидированы при строительстве социализма. В таком видении ситуации КПК следовала политическому примеру Ленина, Сталина и Советского Союза; она, приводя небольшой отрывок из Маркса, утверждала, что социализм был отличной от коммунизма стадией развития. Для Маркса на самом деле термины *социализм* и *коммунизм* были взаимозаменяемыми. Впоследствии КПК использовала такое «двухэтапное» переосмысление для объяснения противоречий, очевидно, существовавших между ее заявлениями о «строительстве социализма» и результатами политики на местах, кото-

лидеров Китая, хотя они и следовали советскому примеру и признавали необходимость такой промежуточной стадии, их все же мучало осознание противоречия между заявленными целями и результатами политических мер, они боялись, что это несоответствие пойдет вразрез с целями революции. Тем не менее для дальнейшего увеличения капитала партийные лидеры продолжали экспериментировать со сдвигами в институциональных механизмах, увеличивая роль рынков, частной собственности и материального стимулирования, — и все это приводило к росту потребительства¹⁰.

рые включали существование правительства, рынка труда, распределения, основанного на «работе», а не на «потребностях», забастовок рабочих, товарного производства, гендерной иерархии и других атрибутов промышленного капитализма. «Двухэтапная» трактовка Маркса опирается на его «Критику готской программы» (1875) [Маркс 1989], изначально написанную не как серьезный труд, а как заметки на полях. В этой работе Маркс, как известно, пишет, что послереволюционное общество «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло». URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1875/gotha/ch01.htm> (дата обращения: 09.07.2018). Трактовку Ленина см. в пятой главе «Экономические основы отмирания государства» в работе «Государство и революция» (1918). URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/staterev/ch05.htm> (дата обращения: 20.05.2018). Обзор «Критики готской программы» и этих переосмыслений см. [Lebowitz 2010: 42–75; Lebowitz 2015: 85–124]. Пареш Чаттопадхьяй называет эти переосмысления «полностью противоречащими эмансипации, основанными на совершенно неправильном прочтении, если не на полном искажении идей в текстах Маркса (и Энгельса)» [Chattopadhyay 2016: 8].

¹⁰ В то время как такие партийные дебаты раскрывают трудности, возникающие при «строительстве социализма», они также свидетельствуют о существовании фундаментальных сомнений в том, что то, что строила партия, не может не быть налажено само собой с помощью теоретических разработок, опирающихся на ту или иную марксистскую концепцию политической экономии. Более того, как будет видно из примеров в следующих главах, политическая элита и представители всех слоев общества размышляли над этим очевидным противоречием, чем подтверждали наблюдение Маркса о том, что «стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, не должны существовать» [Маркс 1955–1961]. Как будет показано в последующих главах, партия сгла-

Мао постоянно предупреждал, что подобные проявления капитализма будут отрицать коммунистическую революцию в Китае, Советском Союзе и в любой другой стране. В его высказываниях слово «отрицание» (*фоудин*) отсылает к процессу диалектического исторического материализма, в котором один способ производства отрицает другой (например, феодализм отрицается капитализмом, а капитализм коммунизмом)¹¹. Несмотря на эти страхи, индустриализация и последующее накопление капитала стали более приоритетными для партии, чем долгосрочные цели, связанные с переходом к коммунистическо-

дила противоречие, просто добавив слово *социалистический* к своей политике, а также в выражениях *первоначальное социалистическое накопление*, *социалистическая реклама* и *социалистическая торговля*, изобилующая «социалистическими витринами». Но в конечном счете значение пространного и расплывчатого термина *социализм* и таких производных терминов, как *социалистические товары*, было либо скорректировано в соответствии с политикой, делающей упор на накопления, либо же противоречие было просто проигнорировано. Все члены партии, занимающие разные стороны в этих дебатах, утверждали, что придерживаются определенного понимания марксистских понятий, таких как *закон стоимости*, *товары*, *наемный труд*, *первоначальное накопление* и *капитал*. Внесение партией изменений в институциональные механизмы капитализма с целью более широкого использования рынков, материальных стимулов и других атрибутов частного капитализма и консьюмеризма находило политических сторонников, оправдывающих такой политический курс в «социалистических» терминах; см., напр., [Chen 1983]. Пример подстраивания значения терминов, а не политического курса, см. в экономическом анализе того, как цены связаны с трудовой теорией стоимости в объеме [Donnithorne: 439].

¹¹ Мао Цзэдун постоянно и неофициально использовал концепцию отрицания (и я делаю то же самое) для обозначения политических мер и их результатов, выступающих предупреждением об угрозах, препятствующим завершению Коммунистической революции. К этим предупреждающим сигналам относились такие обычные явления, как консьюмеризм среди городской молодежи, и такие специфические, как политика Югославии и СССР, которую критиковал Мао Цзэдун. Например, в 1957 году Мао Цзэдун раскритиковал Сталина, заявив: «Октябрьская революция отрицала капитализм, но она отказалась признать, что социализм тоже можно отрицать» [Мао 1974, 1: 50]. Для ознакомления с работами Мао Цзэдуна об историческом материализме и его использовании концепции отрицания см. [Knight 1990: 3–83, особенно 20–24].

му строю, такие как, например, создание экономики на базе общенародной собственности и демократизация контроля рабочих над производством. Короче говоря, капиталистические цели, о которых говорила партия, оправдывали ее капиталистические средства.

В то же время я предлагаю обратить внимание на потребление и распределение излишков — то есть на то, что происходит с тем, что производится, — и посмотреть на историю и политику этой эпохи с нового ракурса. Смещая акцент с производства и накопления, в этой книге я показываю, что усилия государства по увеличению контроля над индустриализацией, в свою очередь, требовали большего контроля над потреблением. Многократные решения правительства отдать предпочтение быстрой индустриализации, а не социалистической цели трансформировать производственные отношения (от производства, контролируемого капиталом, к производству, контролируемому рабочими) сказывались на потреблении. В бедной стране, страдающей от нехватки капитала и ресурсов, правительство было вынуждено пытаться либо сдерживать индивидуальные желания потреблять, либо направлять эти желания прочь от того, что оно называло «буржуазным» потребительством, в направлении более выгодном для себя. Сюда включалось то, что Мао называл *общественным потреблением* коллективных благ, таких как оружие и инфраструктура, а также социальные программы, направленные на совершенствование человеческого капитала (рис. 0.2)¹². В конечном

¹² Например, в 1960 году, в своих заметках на полях к советским экономическим текстам, Мао отметил, что рабочие обладают личной собственностью, а также многими другими благами, которыми они пользуются как часть общества. Он назвал это «общественным потреблением», или «общественной собственностью». См. [Мао 1977: гл. 31 «Частная собственность»]. К схожим терминам, которые можно было бы использовать для описания потребления противоположного «буржуазному», можно отнести *социальное потребление* и *коллективное потребление*. Мануэль Кастельс рассматривает концепцию коллективного потребления применительно к государственному воспроизводству городской капиталистической рабочей силы путем предоставления жилья и медицинского обслуживания за счет нерыночных средств, см. [Castells 2002: 107–129].

счете КПК не смогла ликвидировать капитализм, в значительной степени потому что решила вместо этого использовать методы промышленного капитализма и консюмеризма для реализации более масштабных или более насущных государственных задач. Безусловно, институты промышленного капитализма различались в капиталистических и социалистических странах. Но наличие нерыночных механизмов распределения, например продовольственных талонов и городских рабочих ячеек, а также постоянные заявления партии о создании коммунистического государства, скрывали тот факт, что на протяжении всего периода до, во время и после эпохи Мао капитализм и консюмеризм непрерывно развивались [Lü, Perry 1997]. Следует признать, что рабочие ячейки и некоторые другие институты, присущие китайскому социализму, возможно, предоставляли больше возможностей для создания и демонстрации своей идентичности, чем потребление товаров массового производства. Однако при их рассмотрении с точки зрения концепции консюмеризма становится очевидно, что они выступали как дополнительные средства ограничения потребления для ускорения индустриализации и, таким образом, укрепляли структурное неравенство, выражавшееся в консюмеризме¹³.

¹³ Как показали исследования последних нескольких десятилетий, капитализм всегда разный и всегда предполагает использование не частнокапиталистических институциональных механизмов извлечения ресурсов. Для ознакомления с более обширным определением и анализом капитализма, представленного в книге и подразумевающего непрерывное использование экспроприации для обеспечения капиталистической экспансии, см. [Fraser, Jaeggi 2018]. Поскольку промышленный капитализм как глобальная система характеризуется своей гибкостью и адаптацией к местным условиям, бесчисленное множество некапиталистических проявлений эпохи Мао не служат доказательством того, что Китай не был капиталистической экономикой или что он находился в процессе становления коммунистической страной. Подробнее о таких некапиталистических параметрах см. [Cheng, Selden 1997; Walder 1992]. О неравном распределении в отдельно взятых промышленных предприятиях см. [Walder 1986: 76–81]. Если сравнивать Китай с другими странами, то в работе «China under Mao: A Revolution Derailed» [Walder 2015: 330] автор приходит к выводу, что Китай был «самой неравноправной социалистической экономикой в мире».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru